

Из истории Бородинского музея-заповедника в 1860-е годы

Особый этап в истории музеефикации Бородинского мемориала начинается с 1863 г., когда он был передан в распоряжение московского гражданского губернатораⁱ.

К сожалению, этот период в истории Бородинского музея в отечественном музееведении отражен недостаточно. Отдельные сюжеты по теме затрагивались в статье С.А. Малышкина, в которой на основе документов РГВИА отражались вопросы музеефикации Бородинского поля на протяжении второй четверти XIX – начала XX вв.ⁱⁱ

О процедуре передачи Бородинского памятника в введение московских губернских гражданских властей и о первых мероприятиях нового руководства по содержанию монумента свидетельствуют источники, обнаруженные нами в Центральном историческом архиве г. Москвы (фонды 21, 54). Выявленные архивные материалы представлены в виде рапортов, сообщений, докладных записок, финансовых смет, переписки между Александровским комитетом о раненых, московским гражданским губернатором, Николаевской измайловской военной богадельней, Строительным отделом московского губернского правления, начальником Можайской команды внутренней стражи и т.д. Особую ценность представляет одна из первых дошедших до нас «Опись Бородинского памятника и при оном инвалидного домика», датируемая 1864 г. (публикуется в приложении), а также рапорта архитекторов Гриневского и Делекторского о состоянии Бородинского памятника в 1860-е годы. Документы позволяют подробно представить картину состояния Главного монумента на Бородинском поле в середине XIX в.

Именным распоряжением императора Александра II от 23 мая 1863 г.

предписывалось «состоявший в заведовании директора Николаевской измайловской военной богадельни Бородинский памятник с домом для двух инвалидов нижних чинов передать в заведование московского гражданского губернатора на тех же основаниях, на которых передан Смоленский памятник в введение смоленского губернатора»ⁱⁱⁱ. С целью более детального разъяснения данного распоряжения императора управление московского генерал-губернатора в своем отношении к московскому гражданскому губернатору от 20 августа 1863 г. специально предоставило копию с этого решения. В частности; в нем содержалось повеление Александра II передать Смоленский памятник в распоряжение смоленского губернатора «с тем, чтоб он обо всем касающемся сего памятника относился к директору Николаевской измайловской военной богадельни и чтобы присмотр и наблюдение за чистотою памятника оставлены были по-прежнему на обязанности смоленского батальона внутренней стражи».

Но и этот документ не прояснил многие возникающие вопросы у гражданских властей Московской губернии. Оставался неясным порядок финансирования и организации ремонтных работ Бородинского памятника, функциональные обязанности московского гражданского губернатора, механизм соподчиненности учреждений, содействованных в содержании Главного монумента и т.п. Указанные вопросы приобретали особую остроту, так как в это время осуществлялись ремонтные работы Бородинского монумента.

Большую помощь в разрешении организационных трудностей, возникших перед московским гражданским губернатором, оказал директор Николаевской Измайловской военной богадельни. Им был представлен на имя московских гражданских властей комплекс документации о мерах по

организации обеспечения сохранности Главного монумента на Бородинском поле за 1839-1862 гг. Одновременно были даны инструктивные разъяснения о механизме финансирования и о порядке контроля за обслуживанием Бородинского памятника^{iv}.

Выполняя указания Александра II, московский гражданский губернатор и Московское губернское правление энергично включились в работу по сохранению и реставрации исторических объектов на Бородинском поле.

В середине октября 1863 г. завершился очередной ремонт Бородинского памятника и домика инвалидов при нем. Судя по сохранившимся документам, вопрос о необходимости проведения ремонтных работ на Бородинском поле возник весной 1763 г. 22 апреля начальник Можайской военной стражи капитан Сильницкий сообщил директору Николаевской измайловской военной богадельни генералу от инфантерии Толмачеву о состоянии Главного монумента и о необходимости проведения ремонтных работ. Например, он указывал, что «1. У памятника бронза во многих местах отпавши; 2. На площадках около памятника между чугунными плитами следует возобновить замазку, починить некоторые плиты и выкрасить площадки. Часть каменных брусков около нижней площадки нужно заменить новыми; 3. У чугунной решетки между прясами не имеется больших шишек 35 штук». Особое внимание Сильницкий обратил на обветшавший к этому времени домик для инвалидов-смотрителей. По его мнению, необходимо заменить полы и ворота, покрасить крышу, отштукатурить стены и т.п.^v

Для проверки состояния Главного монумента и составления сметы расходов от 2-ой московской инженерной дистанции был откомандирован инженер-поручик Столяров. Составленный им перечень работ

предусматривал покраску Главного монумента под бронзу, ремонт ограды и домика. По смете указанные виды работ составили сумму в 1551 руб. 93 коп., а покупка строительного материала и краски обходилась в 399 руб. 81 коп. Подряд на все указанные работы в результате торгового аукциона 26 и 30 июля 1863 г. взял московский купец Т.К. Смиронов за 1489 руб.^{vi}. Рапортом от 16 октября инженер-поручик Столяров доносил директору Николаевской измайловской военной богадельни о том, что «работы по Бородинскому памятнику и караульному при нем домику окончены»^{vii}. Среди подписавших акт о проведенной работе был представитель Московской губернской строительной и дорожной комиссии инженер-капитан Бувечич^{viii}. В это же время была проведена инвентаризация имущества, находящегося в домике для инвалидов-смотрителей. В рапорте Сильницкого Толмачеву от 10 декабря 1863 г., сообщалось, что была произведена закупка недостающих вещей (мебели, постельных и гигиенических принадлежностей, утвари) для домика смотрителей. С них (отставного унтер-офицера лейб-гвардии Семеновского полка Г. Пыжикова и бывшего фейерверкера З. Воронина) были взяты соответствующие расписки в получении казенных вещей и предметов^{ix}.

Московские губернские власти были особенно обеспокоены отсутствием четкого порядка в организации ремонта Бородинского памятника и домика при нам для инвалидов-смотрителей. В этой связи московский гражданский губернатор в своем отношении от 8 января 1864 г. потребовал от директора Николаевской измайловской военной богадельни отчета о всех проводимых ранее ремонтных работах Главного монумента. По представленным ему документам было видно, что старое руководство постоянно сокращало финансовые средства на

реставрационные работы монумента. Принцип «мнимой экономии» денежных затрат дорого обошелся казне при проведении, например, ремонтных работ в 1863 г. К этому времени уже сложился четкий порядок организации проведения капитального ремонта Бородинского памятника. Непосредственный контроль за состоянием монумента обязан был осуществлять начальник Можайской военной стражи (инвалидной команды). По этому поводу в специальном предписании директора Николаевской Измайловской военной богадельни от 14 сентября 1861 г. ему особо указывалось «ежегодно доносить в первых числах апреля о всех неисправностях в Бородинском памятнике и домике при нем»^x.

Учитывая сложившийся опыт работ по ремонту Бородинского памятника, московский гражданский губернатор согласился с мнением директора Николаевской Измайловской военной богадельни о порядке проведения аналогичных работ в дальнейшем. Было решено, «что о неисправностях, могущих оказаться и в Бородинском памятнике, с состоящим при нем домике, должно быть доносимо вам (то есть московскому гражданскому губернатору – *М.П.* и *Е.П.*) начальником Можайской команды внутренней стражи и ... от вас будет зависеть поручать осмотр памятника при всяком случае в бытность в Можайске архитектору или инженеру из числа состоящих в вашем распоряжении, как равно состоящих в неисправности сметы, производство по оным торгов. И дело это, по окончании сметы, доставлять ко мне для представления от меня в Комитет о раненых». Таким образом, обременительные организационные меры и контроль за состоянием Бородинского памятника возлагались с 1863 г. на московские губернские гражданские власти. По-видимому, этим и следует объяснить основную причину настойчивых рекомендации Александровского комитета о раненых перед Александром

II о передаче указанных функций из собственного ведомства в управление гражданских властей Московской губернии^{xi}.

Довольно долго нерешенным оставался вопрос о финансировании двум инвалидам-смотрителям работ, идущих на соблюдение «чистоты и порядка» Бородинского памятника. На эти цели ежегодно им выдавалось 100 руб., но порядок их финансовой подотчетности отсутствовал. По этому поводу директор Николаевской измайловской военной богадельни сообщал в январе 1864 г. московскому гражданскому губернатору, что «никакой отчетности в расходовании их не соблюдается... Но как они получают для соблюдения чистоты, то и должно полагать, что на эти деньги должны инвалидами покупаться песок, метлы, лопаты и проч.»^{xii}.

С инвалидами домика при Бородинском памятнике в 1863 г. возникло еще одно финансовое затруднение. При инвентаризации материальных ценностей (посуда, бытовая утварь, мебель, постельные принадлежности и т.п.) в домике смотрителей обнаружилось, что многие вещи, зафиксированные в сдаточной описи 1839 г., в наличии не оказались. Каких-либо нормативных документов по этому поводу в распоряжении администрации не было. По своей инициативе директор Николаевской измайловской военной богадельни закупил недостающие вещи на сумму в 86 руб. 59 коп. Но эти затраты Александровский комитет о раненых не утвердил и потребовал записать в расходы за счет «экономической суммы богадельни». Исходя из этого неудачного опыта, было решено, что «на ремонтное этих вещей никакая сумма... не может быть отпущена»^{xiii}.

Одновременно московским гражданским губернатором генерал-майором кн. А.В. Оболенским было дано указание составить опись Бородинского памятника и домика для смотрителей. 23 марта 1864 г. начальник Можайской внутренней стражи представил на имя кн. А.В.

Оболенского составленную опись. Это один из немногих дошедших до наших дней источников, позволяющий представить состояние Главного монумента на Бородинском поле в 1860-е годы. В описи дается лаконичное описание этого монумента с его основными конструкциями, а также могилой генерала Багратиона. Особенно подробная характеристика дается домику смотрителей, с описанием его внешнего и внутреннего вида, расположением комнат, перечислением мебели, бытовой и домашней утвари, хозяйственных построек во дворе^{xiv}.

Официально московские гражданские власти приняли в свое ведомство Бородинский памятник только 31 марта 1864 г. Но вскоре разразился служебный скандал, вызванный некачественным ремонтом монумента и домика осенью 1863 г. 1 июня на имя кн. А.В. Оболенского поступил рапорт от начальника Можайской команды внутренней стражи капитана Сильницкого. В нем сообщалось о значительных дефектах при проведении ремонта Главного монумента. В частности, указывалось на то, что «при осмотре Бородинского памятника сказалось следующее: 1. У верхней части онаго на спаях шпаклевка во многих местах отпала, 2. Описание Бородинского дела на восьми гранях между колонками имеющаяся позолота на буквах совершенно потемнела от времени бронзирования памятника в 1863 году. 3. На низшей площадке у памятника замазка между чугунными плитами во многих местах отпала совершенно». Но из-за бюрократической волокиты различных ведомств действительные причины некачественного ремонта Бородинского монумента были выявлены только осенью 1864 г. Командированный на Бородинское поле от Московской губернской строительной и дорожной комиссии архитектор Гринеvский произвел тщательный осмотр исторического памятника, выявил дефекты некачественного ремонта и дал

собственные рекомендации по их устранению. В своем отчете он утверждал, «что повреждение окраски означенного памятника произошло от производства начальством инженерных работ поздней осенью минувшего года (то есть 1863 г.), а еще более от употребления для шпаклевки обыкновенной стекольной замазки, которая, вследствие охлаждения в сырую погоду чугуна, не могла держаться в сухое летнее время и вся выпала. Стекольная замазка между чугунных плит на площадке при значительной ее толщине была уже частью огреблена железными лопатами во время очистки зимою площадки от оледеневшего снега... Сама бронзировка производилась не художником, а простым мастером, поэтому и вид окраски неестественен, пестр, а в близком расстоянии даже безобразен».

Сложившаяся ситуация была вызвана нерациональной практикой экономии финансов за счет поручения сложных работ по ремонту недобросовестным подрядчикам и неквалифицированным рабочим. Архитектор Гриневский предлагал провести шпаклевку всех швов металлической замазкой, заменить светло-зеленую окраску деталей Бородинского памятника («под бронзу») на коричневую («под гранит»). На эти работы была составлена смета в размере 721 руб. 65 коп. Но кн. А.В. Оболенский не утвердил смету расходов и потребовал провести специальное служебное расследование некачественным ремонтным работам. Служебное разбирательство было поручено чиновнику по особым поручениям при московском гражданском губернаторе Попову. Однако ход следствия принял чисто формальный характер. Прежде всего были взяты письменные показания с бывшего начальника можайской команды внутренней стражи Сильницкого. В свою очередь Сильницкий заметил в своем письменном ответе, что осмотр проводился весной, когда

«в довольно холодное время... неисправностей в памятнике замечено не было». При этом он сослался на то, что в весеннее время проверку технического состояния Главного монумента поручил проводить директор Николаевской измайловской военной богадельни. Стремясь отвести от себя все подозрения, Сильницкий особо указывает на тот факт, что по приказу высшего начальства ремонтные работы проводились поздней осенью. По его мнению, в результате перепада температуры «шпаклевка на спаях... отпала». Данная информация была принята к сведению и каких-либо административных наказаний не последовало^{xv}.

В 1865 г. московские гражданские власти вынуждены были решать и кадровые вопросы по обслуживанию Бородинского памятника. Начальник Можайской внутренней военной стражи доносил 8 марта 1865 г. в управление московского воинского начальника, что «состоящий в должности сторожа при Бородинском памятнике отставной унтер-офицер Григорий Пыжиков по старости и дряхлости должность свою исполнять не может». Предлагая новую кандидатуру отставного унтер-офицера Василия Покитайкина, он просил уточнить порядок назначения смотрителей к Главному монументу. Вновь был подтвержден принцип комплектования штата смотрителей из отставных унтер-офицеров лейб-гвардии полков. Они утверждались Александровским комитетом о раненых по представлению директора Николаевской измайловской военной богадельни. При этом увольняемый с должности смотрителя обязан пройти медицинское освидетельствование. Непременным условием назначения на должность смотрителя должна стать официальная отставка кандидата с военной службы^{xvi}.

Летом 1866 г. проходил очередной ремонт Бородинского памятника. По этому вопросу в фонде Строительного отделения Московского

губернского правления сохранились финансово-отчетные документы: опись «производимым работам», квитанция финансовых затрат подрядчика, акт принятия ремонтных работ, сдаточная опись произведенным дополнительным работам по устранению недоделок. На все эти цели было ассигновано 1480 руб.

Подряд выполнял московский купец II-ой гильдии Т.Ф. Бутин, заключивший 4 марта 1866 г. особым контракт со Строительным отделением Московского губернского правления. Учитывая некачественный ремонт прошлых лет, в договоре особенно подчеркивалось, что «работы должны быть произведены прочно, правильно, из доброкачественных материалов, с надлежащей аккуратностью и чистотою отделки как видимых, так и внутренних частей»^{xvii}. Судя по отчетной документации, к 25 июля 1866 г. были расчищены швы между чугунными плитами, окрашены «диким» цветом лестницы, ведущие к памятнику и ограда могилы Багратиона, позолочены надписи на памятнике, цифры, знаки и буквы (516 штук). Значительные ремонтные работы были проведены в домике смотрителей и в хозяйственных постройках, которые его окружали (возведен новый забор, отштукатурены стены и потолок, окрашены оконные рамы и крыша домика и т.д.). Подрядчиком было израсходовано 1429 руб., в том числе на оплату рабочим. 473 руб. 38 коп. и покупку строительных материалов 955 руб. 62 коп.^{xviii} На отделку Главного монумента было привлечено 102 маляра, 25 чернорабочих и 2 плотника, а на ремонт хозяйственных построек и домика десятки маляров, плотников, штукатуров, каменщиков и т.д.^{xix} 24 июля 1866 г. был утвержден акт о принятии отремонтированных памятников на Бородинском поле, который, подписали исполняющий дела губернского инженера Карицкий и губернский архитектор Григорьев.

Однако в ходе дополнительной проверки ремонтных работ, начальник Можайской уездной военной стражи и Можайский уездный исправник обнаружили существенные недоделки. По этому поводу в рапорте на имя московского гражданского губернатора от 27 июля 1866 г. они особо отмечали, что «памятник покрыт масляною серою краскою весьма дурно, шпаклевка не выровнена, отчего на всем памятнике по саям плит и в особенности на лицевой стороне онаго, начиная от образа Спасителя и до верху, видны большие углубления. Плиты нижней площадки остались не выровнены, концами одно выше другой на 1/2 дюйма, но уже так и зашпаклеваны и подготовлены под краску, некоторые из них хлябуют (то есть расшатываются) у могильной плиты покойного князя Багратиона. С правой стороны от дождей образовалась щель внутри фундамента и она не замазана. Золоченный крест на вершине памятника не вычищен, позолота же букв надписи производится хорошо». Много изъянов и недоделок было обнаружено при осмотре домика смотрителей (некачественное проведение штукатурных и малярных работ). «Лицевая стена домика, – говорится в рапорте, – где была облупленная известь, окая неподштукатурена, но замазана просто краскою, которая от влияния осенних погод смывается и откроются прежняя замазанные пятна, каковыя и теперь видны сквозь краску». Тем не менее в документе особо подчеркивается, что «домик, решетка и все к оному принадлежности отремонтированы хорошо». По решению Строительного отделения Московского губернского правления недоделки на исторических памятниках Бородинского поля были исправлены в течение конца июля – середины августа 1866 г. под непосредственным контролем московского губернского архитектора Н. Григорьева. Рапортом от 19 августа в московское Строительное отделение он сообщал о исправлении недоделок

при домике «для караульных инвалидов и памятника на Бородинском поле»^{xx}.

Но вопрос об окончании ремонтных работ на Бородинском поле по-прежнему оставался в центре внимания московской губернской администрации. 25 августа 1866 г. из управления московского генерал-губернатора на имя московского гражданского губернатора поступило предписание, в котором, в частности, отмечалось: «Препровождая при сем на распоряжение Вашего превосходительства безымянное донесение о неправильной постройке решетки около караульного дома при Бородинском памятнике, предлагаю Вам о последующем меня уведомить». Спустя 10 дней, 5 сентября 1866 г. московские гражданские власти оперативно докладывали московскому генерал-губернатору К. Долгорукову о том, что «работы по исправлению памятника и караульного при нем дома в селе Бородине Можайского уезда были произведены согласно утвержденной сметы... под надзором губернского архитектора Григорьева. И по освидетельствовании исправляющим должность губернского инженера Карицким, оказались сделанными из материалов должного качества, а потому и сданы с распискою по описи заведующему Бородинским памятником начальнику можайской уездной команды». 22 сентября 1866 г. московское губернское правление рапортовало Александровскому комитету о раненых о том, что «работы по исправлению памятника и караульного при нем дома в селе Бородине Можайского уезда окончены». Общая сумма израсходованных денег составила 1486 руб.^{xxi}

Итак, к концу 1860-х годов складывается относительно четкий и организованный порядок финансирования и обслуживания Бородинского

памятника, основные принципы которого сохранились до начала XX в.

Приложение

1864 г. март 23¹ – Опись Бородинского памятника и домика смотрителей при нем.(ЦИАМ. Ф. 54. Оп. 181. № 1. Л. 54-56 об.)

«Опись Бородинского памятника и при оном инвалидного домика.

Памятник чугунный, с передней стороны образ Нерукотворенного Спасителя, рама образная со стеклом и сеткою.

С задней стороны склеп князя Багратиона с медною доскою вокруг памятника; решетка железная с дверьми, при оной замок.

Инвалидный домик каменный, крытый железом, с желобьями и водосточными трубами; с передней стороны тротуар из белого камня. Внутри комнаты отштукатурены и покрыты колером. Отделений комнат 2. Окна разгорожены филанчатой перегородкой, в коей прирезан замок с медными ручками. Кухня с одним окном; сени с одним окном, двери филанчатые с железным прибором; окна со стеклами с железным прибором; полы дощатые, крашенные в сенях из белой лещади; крыльцо из белого камня.

При оном домике нежилое строение каменное, крытое железом, с правой стороны приделка, крытая железом, с передней стороны ворота; с правой и левой – ограда каменная, вокруг деревянная решетка окрашена из масла. В оном нежилом строении погреб, сарай, конюшня с воротами, дверьми с железным прибором; на дворе колодезь с принадлежностью.

Опись вещей, находящихся в домике.

– образов живописных (число вещей – 2)^{*2}

¹ Документ не датирован. Датируется по рапорту можайского уездного исправника и начальника можайской команды внутренней стражи от 23 марта 1864 г.

^{**} Здесь и далее число предметов указано в скобках.

*.
,

- лампада (1);
- молоток и лопатка с надписью: 1837-го года июля 22-го дня, коими его императорское высочество наследник Александр Николаевич изволил в бытность в селе Бородине собственоручно положить камень на фундаменте памятника Бородинского;
- книга для записывания приезжающих особ (1);
- чернильница (1) и песочница (1);
- стенные деревянные часы (1);
- лестница (1);
- коновезей (7);
- столов крашенных (3);
- скамеек (6);
- шкафов (1);
- полушкафов (1);
- стульев (6);
- кроватей (2);
- салфеток (12);
- скатертей (4);
- тюфяков (2);
- подушек (4);
- простынь (4);
- наволочек (8);
- одеял зимних (2), летних (2);
- зановесей кроватных (2);
- чугунов (2);
- кочерг (2);

- ухватов (2);
- сковородников (1);
- лом (1);
- лопат железных (1);
- тачка с колесом (1);
- топор (1);
- молоток (1);
- протевней (1);
- сковород (1);
- терка (1);
- сечка (1);
- ступка чугунная (1);
- воронка (1);
- ножей столовых (6);
- ножей для хлеба (1);
- ложек оловянных (6);
- подвешников медных (3);
- щипцов (–);
- фонарей жестяных (2);
- половник (1);
- ковшей железных (2);
- ведер (2);
- горшков (6);
- тазов (2);
- тарелок полуфаянсовых (12);
- стаканов (2);
- чашек суповых (2);

- блюд (2);
- кувшинов (2);
- кружка (1);
- солонка (1);
- лохань деревянная (1);
- чашек больших (2);
- чашек малых (2);
- ушатов дубовых с железными обручами (2);
- вальков (1);
- квашня (1);
- кадок (2)
- бочонков (2);
- решет (1);
- сит (1);
- тарелок деревянных (2);
- рубель (1);
- савок (1);
- лопата для хлеба (1);
- лукошко (1);
- коромысло (1);
- солонка деревянная (1);
- жбанов (2);
- лопат деревянных (2);
- метел (10);
- щеток половых (2);
- щеток ручных (2), платяных (2), сапожных (4);
- ковер веревочный (1);

- скребок для ног (1);
- скребок со щеткой (1);
- корыт (2).

ПРИМЕЧАНИЯ

ⁱ О состоянии Бородинского памятника во второй четверти XIX в. см.: *Прохоров М.Ф.* У истоков формирования Бородинского музея в 30–60-е годы XIX века// Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. М., 2002. С.171-189.

ⁱⁱ *Мальшикин С.А.* Из истории музеефикации Бородинского поля 1839–1911 гг. Главный монумент.// Бородинское поле. История. Культура. Экология. Вып. 2. Можайск. 2000. С.168-174

ⁱⁱⁱ ЦИАМ. Ф.54. Оп.181. № 1.Л.1.

^{iv} Там же. Л.1-2.

^v Там же. Ф. 21. Оп.1. № 1037. Л.56.

^{vi} Там же. Л. 58-76.

^{vii} Там же. Л.90.

^{viii} Там же. Ф.54. Оп. 181. № 1. Л.9.

^{ix} Там же. Л. 20-21

^x Там же. Л.37-39.

^{xi} Там же. Л.45-46.

^{xii} Там же. Л. 40-40 об.

^{xiii} Там же. Л.49-49 об.

^{xiv} Там же. Л.54-56.

^{xv} Там же. Л. 27 об.

^{xvi} Там же. Оп. 133. № 6. Л. 1-1 об.; Оп. 181. № 1. Л. 78, 81-83.

^{xvii} *Мальшикин С.А.* Указ. соч. С. 171.

^{xviii} ЦИАМ. Ф.54. Оп. 179. № 9. Л.5-6.

^{xix} Там же. Л. 5-6.

^{xx} Там же. Л. 7-20.

^{xxi} Там же. Л.21-24.